

А. В. Бауло

ЗАМЕТКИ К ДИСКУССИИ ПО ЭТНОГРАФИИ ОБСКИХ УГРОВ

Несколько лет назад в Томске Н. В. Лукина, говоря об очередной вышедшей книге по традиционной культуре хантов, высказала суждение о том, что обским уграм, как никому из сибирских народов, повезло с многочисленным сонмом зарубежных и российских исследователей. В их ряду заслуженно почетное место занимает Зоя Петровна Соколова, живой «матриарх» обско-угорской этнографии, продолжающая удивлять активным научным творчеством. Подводя промежуточные итоги собственных научных изысканий, в которых отразилось большинство вопросов сибирской этнографии второй половины XX в., она выделяет в своеобразное наследие некоторые дискуссионные проблемы в изучении хантов и манси.

Первым и определяющим для З. П. Соколовой является вопрос о хантах и манси: «это два народа, или один, или несколько?» В качестве опорных пунктов ответа на этот вопрос она выделяет язык, территорию расселения и эндогамные ареалы. Первые два признака достаточно определенно говорят в пользу существования двух отдельных народов с самостоятельными языками и территорией проживания, разграниченной по линии запад–восток. Третий признак — эндогамность — подчеркивает монолитность восточных хантов с их достаточно специфичной культурой, в которой «угорские черты... ослаблены», а «аборигенные, палеосибирские» черты более явно выражены.

Для меня этот вопрос на сегодняшний день вырисовывается так: есть два северных народа — ханты и манси, — отличающихся самостоятельными языками и диалектами внутри них. Территория их проживания разграничена следующим образом: в Березовском районе она делится по линии запад–восток при наличии в центре смешанной группы березовских хантов (к этой группе относится вывод Г. М. Давыдовой о том, что по своему физическому типу северные манси и северные ханты представляют собой единое население);¹ в Шурышкарском районе господствуют ханты; по внешним границам Нижнего Приобья ханты и манси соседствуют и контактируют с ненцами.

Существование северных хантов и манси в одной экологической нише способствовало развитию определенного единообразия их материальной и духовной культуры.

Заметно, что территория проживания северных манси меньше, чем ареал расселения северных хантов; очевидно, можно говорить о том, что перед нами — след того клина вогулов, который с XIII–XIV в. продвинулся (под натиском русского населения, с одной стороны, и татар — с другой) с Западного Урала на восток и проник до левого берега Оби. Возможно, именно этот клин обусловил на севере «вогулизацию» культуры обских угров.

Полагаю, что «угризация», или наличие «южных» компонентов в культуре северян, больше присуща манси, чем хантам: это хорошо видно на примере достаточно консервативного элемента традиционной культуры — культовой атрибутики, в частности феномена жертвенных покрывал с изображением всадника. Ареал их фиксации в XX в. достаточно характерен: западная граница — Верхотурье, южная — Карымкары (р. Обь), восточная — Юильск (р. Казым), северная — Ханты-Мужи (р. Малая Обь). Фактически это та самая территория «вогулизации» обскоугорской культуры. Активное продвижение манси из Приуралья на Обь сопровождалось проникновением сюда атрибутики, связанной с культом *Мирсусне-хума*.

Нам уже приходилось писать о том, что иранские (шире — восточные, южные) корни современных изображений, присутствующих на покрывалах манси и хантов, достаточно очевидны. Рассмотрев вопрос о влиянии сюжета, изображенного на серебряных бляхах XII–XIII вв. из Волжской Булгарии («сокольничий в окружении зверей и птиц»), на формирование иконографии Небесного всадника на священных полотнищах, мы подчеркнули, что покрывала с фигурой всадника в окружении зверей и

Бауло Аркадий Викторович — д.и.н., зам. директора по научным вопросам Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

¹ См.: Давыдова Г. М. Взаимоотношения северных манси и северных хантов (по антропологическим данным и фамильному составу) // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 165–167.

птиц — явление мансийской культуры, формировавшейся, в частности, во время проживания предков современных манси в южной части Западного Урала, когда у них были налажены контакты с Волжской Булгарией.²

При этом на покрывалах березовских и казымских хантов преимущественно изображается один всадник («следы» сюжета с сокольниковым единичны). По мере удаления от Урала в сторону Оби сюжет упрощался: всадник постепенно терял малосущественные для хантыйской мифологии символы. В отличие же от жертвенных покрывал, выполненных манси, казымскими и березовскими хантами, где главной и подчас единственной фигурой является Небесный всадник, у более северных групп — сынских и обских хантов — на священных покрывалах наблюдается разнообразие фигур (образы птиц, медведей, оленей), что связано с изображением духов-покровителей отдельных поселков.

Причина изображения на одном изделии Небесного всадника и местного духа-покровителя, на наш взгляд, заключается в том, что по мере продвижения мансийского населения (и, соответственно, присущей ему культуры) из Приуралья на северо-восток, значимость Сына Бога уменьшалась. Манси растворялись в большом массиве хантыйского населения, хантыйские божества «уверенно сдерживали натиск» степного Бога. В итоге, например, на р. Сыне местные духи смогли сохранить свою актуальность. Население самых глухих уголков сибирской тайги в каждодневной борьбе за выживание гораздо больше зависело от постоянных отношений с «проживавшими рядом» духами леса в зооморфном облике. Достигнутый в какой-то момент баланс привел к разумному решению: фигуры Небесного всадника и местных духов-покровителей стали размещать на покрывалах вместе. Да и в жертву здесь стали чаще приносить оленя, а не «степного» коня.³

Подведем итог вышесказанному: итак, к таким признакам, разделяющим обских угров на два народа, как язык и территория проживания, следует добавить мифологический аспект, выражающийся в культе Небесного

всадника. Там, где этот культ манифестируется у хантов (р. Сыня, р. Казым, междуречье Оби и в районе Березово), местное население во многом является результатом брачных связей мигрировавших манси и хантов.

Что представляют собой восточные ханты — отдельный народ или часть хантов, — мне судить сложно, поскольку я не работал в районах их проживания.

Из других вопросов, предложенных З. П. Соколовой для дискуссии, остановлюсь на шаманизме хантов и манси, который, по ее мнению, «развивался в том же русле, что и у других народов Сибири (а не был развит слабее), и лишь под влиянием раннего вхождения Западной Сибири в состав России и христианизации утратил целый ряд черт или исчез».

Прежде всего, мне бы хотелось услышать аргументы в пользу этого мнения, поскольку никакими сведениями о шаманизме у остяков и вогулов до прихода русских в Сибирь мы не располагаем: таких источников просто нет. Приводимые архивные материалы XVIII в. по северным районам Западной Сибири в основном описывают лишь жертвоприношения, в которых упоминаемый «шайтанщик» мог быть хранителем места (а точнее шайтана), а не шаманом. Основные источники по шаманизму обских угров относятся к XVIII–XX вв., при этом источники по северным группам немногочисленны (об этом я скажу ниже). Их анализ приводит меня к поддержке мнения о неразвитости шаманизма у северных групп обских угров вообще, а не о его упадке после прихода русских. Поскольку фигуру шамана часто понимают как посредника между людьми и духами, то полагаю, что для хантов и манси такое посредничество было не столь актуально по следующим причинам. Во-первых, для их религиозно-обрядовой практики характерен феномен домашних святилищ, т. е. в повседневной жизни и при проведении обряда посредником между живущими людьми и почитаемыми ими духами являлся хозяин дома. Во взаимодействии между людьми и духами определяющим был уровень даче-обменных отношений — отношений фактически равных партнеров: «Каждая вновь принесенная жертва в очередной раз разрушала барьер между человеком и духом, каждый раз заново включала духа в отношения с человеком, приближала его к человеку... Из существа, стоящего над человеком, дух «превращался» в «делового партнера». Происходило приземление,

² См.: Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001.

³ Не могу согласиться с утверждением З. П. Соколовой о бытовании культа коня у обских угров; полагаю, что речь должна идти о культе всадника: жертвоприношение коня производится не из-за почитания животного, конь жертвуется *Мир-сусне-хуму*.

своеобразное «очеловечение» духа»;⁴ эта «приземленность», в частности, выражалась в том, что людям «разрешалось» изображать духов-покровителей на медвежьем празднике.

Во-вторых, традиционное мировоззрение северных манси предусматривало право человека на обладание духом.⁵ «Дух, каким бы сильным он ни был, все-таки остается, так сказать, личным слугой своего хозяина и обязан постоянно и безусловно поддерживать своего владельца при условии, что хозяин со своей стороны оказывает ему соответствующее уважение и не избегает удовлетворения потребностей духа».⁶

Собственно шаману отводился уровень общения с духами в критических (болезнь, пропажа, стихия) или пограничных (гадание у гроба покойного) ситуациях. По материалам XX в., шаманы и их атрибуты (чаще всего бубен) фиксируются в основном по западной и восточной периферии «вогульского» клина, в зонах контактов манси/хантов и ненцев (верховья Ляпина, Сыни; бассейн Казыма) — в этом можно видеть ненецкое влияние. При этом костюм шамана в полном комплекте (головной убор, халат, обувь) исследователями зафиксирован не был.

Какое влияние мог оказать приход русских и последующая формальная христианизация на формирование указанной выше специфики религиозно-обрядовой практики у северных групп обских угров, которая бы «подавила» шаманизм, я предположить не могу.

Другие дискуссионные вопросы, а также первоочередные задачи этнографии обских угров, поставленные З. П. Соколовой, тоже достойны всестороннего обсуждения, но принципиально важными мне кажутся два вопроса: на какие источники будут опираться в дискуссии и дальнейших научных поисках исследователи? и кто эти исследователи?

Сначала скажем несколько слов об источниках. Безусловно, «нужны комплексные исследования, соединяющие поздние археологические культуры и памятники с ранней этнографией обских угров». Такие исследования уже были проведены на Надымском городке⁷ и, будем

надеяться, продолжатся в Усть-Войкарах, где мерзлотные слои сохранили средневековые предметы из органических материалов.⁸ Надо организовать кропотливую разъяснительную работу среди жителей Ломбовожа, чтобы в обозримом будущем начать раскопки расположенного рядом с поселком уникального городища, имеющего высокий мифологический статус; в ином случае археологов опередят копатели с металлодетекторами, которые уже во многих местах нарушили культурный слой дальней от поселка стороны памятника.

Что касается архивных источников, то большинство их уже опубликовано, и не один раз, поэтому полагать, что мы найдем что-то «выпадающее» за рамки наших знаний, сложно.

Опубликованные материалы уже много раз проштудированы. Кроме того, в трудах авторов XVIII–XIX вв. немало повторов; круг оригинальных сочинений узок, да и он имеет свойство уменьшаться.

Приведу в качестве примера работы XVIII в. — это фактически «начало начал» обско-угорской этнографии. В распоряжении исследователей имеются четыре неравнозначных источника по истории вогулов и остяков XVIII в. — компилятивный труд И. Б. Мюллера и три работы (сочинения Г. Новицкого и В. Ф. Зуева, а также архивный документ 1784 г.⁹), считавшиеся до недавнего времени оригинальными.

Общий итог проведенного мной сравнительного анализа отрывков одинакового содержания из четырех указанных источников оказался следующим:¹⁰ автор архивного документа 1784 г. воспользовался рядом положений из рукописи В. Ф. Зуева 1773 г. (о жертвоприношении оленя, почитании медведя,

⁸ См., напр.: Фёдорова Н. В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Новосибирск, 2004. С. 106–108.

⁹ Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков [Электронный ресурс] / И. Б. Мюллер; Адм. Губернатора ХМАО. Ханты-Мансийск: Фонд памяти светлейш. князя А. Д. Меншикова, 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.; Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / изд. Л. Майков. Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1884. Т. 53; Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих остяков и самоедов // ТИЭ, н. с. 1947. Т. 5; Андреев А. И. «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» // СЭ. 1947. № 1. С. 84–103.

¹⁰ См.: Бауло А. В. «Синий туман, голубоватый дым» (к вопросу о письменных источниках XVIII в. по истории северных групп хантов и манси) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 53–63.

⁴ Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 176–182.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 1995. Т. 2. С. 19.

⁷ См.: Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

присяге перед воеводой, клятве при распрях, шаманском сеансе, об изготовлении временного вместилища души умершего, о татуировках); В. Ф. Зуев данные сведения заимствовал из работы И. Б. Мюллера 1720 г.; И. Б. Мюллер, в свою очередь, при описании указанных обрядов основывался на рукописи Г. Новицкого 1715 г. Таким образом, считаться оригинальным может только сочинение Г. Новицкого; труд И. Б. Мюллера и архивный документ 1784 г. являются в значительной степени компилятивными; сочинение В. Ф. Зуева в части описания некоторых сторон религиозно-обрядовой практики остяков содержит важные заимствования.

Из этого вытекает и другое: 1) отмеченные положения из сочинения В. Ф. Зуева нельзя относить к обдорским осякам, поскольку в их основе лежат материалы Г. Новицкого, полученные в более южных районах проживания остяков (от места слияния Оби и Иртыша и далее до Березова) и у кондинских вогулов; 2) указанные положения из сочинения В. Ф. Зуева, которые ранее относили ко времени его поездки в Обдорск в 1771 г., по сути, отражают сведения 1712–1715 гг. Если учесть, что П. С. Паллас в свое сочинение включил материалы В. Ф. Зуева, а И. Г. Георги (1799 г.) «почерпнул» их из труда П. С. Палласа, то оригинальных источников по религиозно-обрядовой практике обских угров последней четверти XVIII в. значительно меньше, чем было принято считать. Авторы первой половины XIX в. продолжали скрыто цитировать предшественников: так, жертвоприношение оленя и описание шаманского сеанса еще раз дано Ф. Белявским;¹¹ Н. А. Абрамов, работавший с рукописью Г. Новицкого,¹² вновь воспроизводит список остяцких божеств, упоминает об изготовлении временного вместилища души умершего, использует сведения о шаманском камлании и жертвоприношении оленя и пр.; описание двух идолов из Воксарских юрт взято Н. А. Абрамовым, видимо, из сочинения П. С. Палласа (известные материалы В. Ф. Зуева).¹³

¹¹ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 108, 109. На использование Ф. Белявским при описании остяцкого шаманства скрытых цитат из Мюллера обратил внимание В. А. Бойко (Бойко В. А. Хантыйское шаманство в русской этнографической литературе XIX в. // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 14).

¹² Краткое описание о народе остяцком... С. III.

¹³ Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 335–342.

Таким образом, многие сведения, опубликованные рядом авторов первой половины XIX в., также относятся к началу (реже — к концу) XVIII в.

Основным источником для дальнейших исследований могут стать материалы полевых сборов XIX–XX вв., хранящиеся в фондах иностранных и российских музеев. Правда для этого Музею антропологии и этнографии (далее — МАЭ) РАН и Российскому этнографическому музею (далее — РЭМ) следовало бы стать действительно открытыми, хотя бы для своих коллег. Требуют полного описания и открытого доступа к этим описаниям в электронной форме материалы И. К. Зеленова, В. Н. Чернецова, И. Н. Шухова и др. из фондов МАЭ РАН, С. И. Руденко и др. — из фондов РЭМ. Однако скорые перспективы этой работы вызывают у меня большой пессимизм, равно как и возможность того, что финские коллеги, наконец, откроют доступ к фондам А. Каннисто, К. Карьялайнена и др.

Конечно, материалы фондов центральных российских музеев постепенно вводятся в научный оборот, но порой они вызывают некоторое разочарование и недоумение. Например, дается подробное описание предметов традиционной культуры, предмет раскрывается буквально по слоям... И ни одной иллюстрации!¹⁴ По сути, читатель так и не увидел вещь, т. е. ему самому придется идти в фонды и вновь обращаться к уже, казалось бы, опубликованному предмету. Абсолютно солидарен здесь с З. П. Соколовой, которая только в одном абзаце трижды затрагивает эту проблему: «Что касается публикаций прошлых лет, то они... чаще всего слабо иллюстрированы. Сравнить и даже понимать описание... невозможно без иллюстраций и чертежей. Нужны новые исследования... добротнo иллюстрированные».

Дополнительным источником для будущих исследований должны стать максимально подробные публикации полевых материалов и дневников современных исследователей (пока эту работу успешно ведут только З. П. Соколова и Н. В. Лукина). В ближайшие два-три года планирую подготовить электронную публикацию фотографий и дневников И. Н. Гемьева по материалам его экспедиций к манси в 1983–1990 гг.

¹⁴ См., напр.: Фёдорова Е. Г. Одежда изображений умерших у обских угров в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 193–201.

Российские исследователи крайне нуждаются в полных переводах мифологических текстов, собранных Б. Мункачи, А. Каннисто и др.; радуется, что эту работу начала Е. И. Ромбандеева.¹⁵

Таким образом, новые источники смогут сделать дискуссию по вопросам этнографии обских угров более содержательной; без этих источников она останется дискуссией исключительно умозрительной.

Второй, достаточно серьезный вопрос касается кадров: кто будет разрабатывать новые темы и принимать участие в дискуссии?

Мне кажется, что кадровая ситуация в области этнографии обских угров не самая благоприятная. С одной стороны, в рядах этнографов-угроведов член-корреспондент РАН, несколько докторов и кандидатов наук. С другой стороны, происходит старение исследователей. Сегодня активно работающих профессиональных этнографов-угроведов младше 40 лет практически нет; не видно и идущих им вслед 25–35-летних талантливых (или подающих надежды) молодых ученых. Хотя защита кандидатских диссертаций молодыми исследователями происходит, но большая их часть не отличается оригинальностью материалов или размышлений; да и не задерживаются новоиспеченные кандидаты в науке.

Замирает главная исследовательская составляющая — экспедиционная работа: этнографов, постоянно работающих в поле, уже можно перечесть по пальцам одной руки (Е. В. Первалова, А. А. Богордаева, А. А. Рудь).

С уходом Н. В. Лукиной из НИИ обско-угорских народов в Ханты-Мансийске в весьма неустойчивом состоянии пребывает «аборигенная» школа этнографии: количество пишущих авторов выросло, а рост качественного уровня исследователей остановился.

Обратимся к тезису З. П. Соколовой о том, что в последние десятилетия этнографы сконцентрировали свои исследования на уровне отдельных групп обских угров (васюганско-ваховских, салымских, аганских, сынских; в плане

религиозно-обрядовой практики описаны северные манси и березовские ханты). На мой взгляд, исходя из собранных полевых материалов, имеющихся публикаций, а самое главное, из состава современных отечественных специалистов, можно прогнозировать выполнение монографических описаний культуры, пожалуй, только ляпинских манси и казымских хантов.

Конечно, существенным фактором интенсификации научных исследований мог бы стать комплексный подход — объединение усилий этнографов, антропологов, фольклористов, лингвистов. Только в действительности указанных специалистов разделяет какая-то невероятная пропасть. Если в советское время само собой разумеющимся был выход сборников «Фольклор и этнография», то сегодня об этом и мечтать не приходится. Вспоминаю наши с И. Н. Гемуевым безуспешные попытки опубликовать собранные нами фольклорные материалы в мансийском томе известной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и тот резкий отпор, который мы получили от руководителя серии — этнографа Н. А. Алексеева; увы, и после его смерти фольклористы убеждены: этнографам в этой серии места нет, фольклор могут изучать только фольклористы.

Нет достаточно развитых контактов между российскими и зарубежными учеными-угроведами: исследования проводятся, скорее, параллельно. Особенно стал заметен «уход на запад» прибалтийских коллег. В качестве положительного примера можно упомянуть добротню начатый, но несколько потерявший темп проект «Энциклопедия уральских мифологий», который во многом основан на личном теплом отношении к России его ведущего куратора А.-Л. Сиикалы.

Таким образом, поддерживая стремление З. П. Соколовой начать дискуссию по ряду злободневных вопросов этнографии обских угров, хочу отметить, что основную сложность вижу в ограниченной источниковой базе и определенном кадровом кризисе.

Ключевые слова: *обские угры, шаманизм, всадник, традиция, источники*

¹⁵ Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск, 2010.

Arkady V. Baulo

Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

NOTES ON THE OB URGIANS ETHNOGRAPHY DEBATES

The article deals with a number of important issues in the Ob Urgan ethnography: Territories of settlement of the northern Khanty and Mansi, the presence of the southern components in the culture of the northern people, the Heavenly Rider's cult. The author provides arguments in favor of the idea of immaturity of shamanism in the culture of the northern groups of the Ob Ugrians. The article draws attention to the problem of narrow focus of the early sources, the ageing of the research staff, as well as poor integration both among the Russian specialists (ethnographers, linguists, folklorists), and between the Russian and the foreign researchers of the problems of ethnography of the Ob Ugrians.

Key words: *Ob Ugric, shamanism, the rider, the tradition, the sources*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Abramov N. A. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva: sb. nauch. tr.* (Notes of the Imperial Russian geographical society: collected papers). St. Petersburg, 1857, Book 12, pp. 327–448. (in Russ.).
- Andreev A. I. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet ethnography), 1947, № 1, pp. 84–103. (in Russ.).
- Baulo A. V. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo: sb. nauch. tr.* (Khanty-Mansi autonomous area in the mirror of the past: collected papers). Tomsk, Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2009, Issue 7, pp. 53–63. (in Russ.).
- Belyavskiy F. Moscow: Tipografiya Lazarevykh, 1833, 262 p. (in Russ.).
- Boyko V. A. *Narody Sibiri: istoriya i kultura: sb. nauch. tr.* (The peoples of Siberia: history and culture: collected papers). Novosibirsk: IAE SO RAN, 1997, pp. 11–21. (in Russ.).
- Davydova G. M. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* (Proceedings of the VI International congress of Finno-Ugric). Moscow, 1989, Vol. 1, pp. 165–167. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya v Sibiri: sb. nauch. tr.* (The problems of inter-ethnic cooperation in Siberia: collected papers). Novosibirsk: Izd-vo ArtInfoData, 2004, pp. 106–108. (in Russ.).
- Fedorova Ye. G. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2010, № 1 (12), pp. 193–201. (in Russ.).
- Gemuev I. N. Novosibirsk: Nauka, 1990, 232 p. (in Russ.).
- Gemuev I. N., Baulo A. V. Novosibirsk: IAE SO RAN, 2001, 160 p. (in Russ.).
- Geroicheskiy epos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokroviteley* (The heroic epic of the Mansi (Voguls): Songs of the patron saints). Khanty-Mansiysk: OOO "Print-klass", 2010, 648 p. (in Russ.).
- Kardash O. V. Ekaterinburg; Nefteyugansk: izd-vo "Magellan", 2009, 360 p. (in Russ.).
- Karjalainen K. F. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1995, Vol. 2, 282 p. (in Russ.).
- Kratkoe opisanie o narode ostyatskom, sochinennoe Grigoriem Novitskim v 1715 godu* (Brief description of the Ostyak people, written by Gregory Novitskiy in 1715). St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva, 1884, Vol. 53, 122 p. (in Russ.).
- Zuev V. F. *Trudy instituta etnografii, novaya seriya* (Works of institute of the ethnography, new series). Moscow, 1947, Vol. 5, 96 p. (in Russ.).